

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-1-104-109

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.84

Дата поступления: 02.10.2021
рецензирования: 26.11.2021
принятия: 21.03.2022

Проблема действительности выборов при проведении дистанционного электронного голосования

И. Г. Ларин

Администрация губернатора Самарской области, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Garik.larin@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются особенности применения в избирательном процессе института дистанционного голосования, в том числе вопросы признания недействительными выборов, при проведении которых применялись дистанционные технологии голосования. В этих целях автор статьи раскрывает практические особенности реализации процедуры дистанционного электронного голосования, описывает отдельные правоприменительные трудности, связанные с использованием программного обеспечения при проведении выборов с применением дистанционных способов голосования. На основе выявленных особенностей дистанционного голосования автор определяет потенциальные пробелы современного отечественного законодательства в части регулирования института недействительности выборов, а также отмечает неопределенность применения мер ответственности за правонарушения в данной сфере. В статье делается вывод о недостатках существующего правового регулирования избирательных отношений в контексте применения новых электронных технологий и рассматриваются потенциально возможные способы исправления обнаруженных проблем.

Ключевые слова: избирательные правоотношения; избирательное право; недействительность выборов; электронное голосование; дистанционное голосование.

Цитирование. Ларин И. Г. Проблема действительности выборов при проведении дистанционного электронного голосования // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 104–109. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-104-109>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ларин И. Г., 2022

Игорь Григорьевич Ларин – консультант правового департамента, Администрация губернатора Самарской области, 443006, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 210.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 02.10.2021
Revised: 26.11.2021
Accepted: 21.03.2022

Problem of election validity in remote electronic voting

I. G. Larin

Administration of the Governor of the Smara Region, Samara, Russian Federation
E-mail: Garik.larin@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the features of using the institute of remote voting in the electoral process, including the problem of invalidation of elections associated with the use of this institute. The article reveals the features of implementation of the remote electronic voting procedure in practice, identifies the problems associated with the use of software in elections using remote voting methods, and also indicates the presence of gaps in modern legislation in terms of regulating the invalidity of the described elections, uncertainty in liability for violations in this sphere of electoral law. The article concludes about the shortcomings of the existing legal regulation and identifies possible solutions to the identified problems.

Key words: suffrage; invalidation of elections; remote electronic voting; remote voting; electronic voting.

Citation. Larin I. G. *Problema deistvitel'nosti vyborov pri provedenii distantsionnogo elektronnoyego goslovaniya* [Problem of election validity in remote electronic voting]. *Iuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal

of Samara University], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 104–109. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-104-109> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Larin I. G., 2022

Igor G. Larin – consultant of the Legal Department, Administration of the Governor of the Samara Region, 210, Molodogvardeyskaya Street, Samara, Russian Federation.

Научно-технический прогресс с каждым годом все глубже проникает во все сферы правоотношений, в том числе и в сферу избирательных правоотношений. Помимо наиболее очевидных оплотов цифровизации, таких как электронные средства подсчета голосов избирательной системы или системы наблюдения, значимое место в избирательном процессе с недавних пор занимает институт дистанционного электронного голосования. Использование данного института в ходе проведения избирательных кампаний помогает существенным образом сократить время, затрачиваемое на проведение различных избирательных процедур, таких как, например, подсчет голосов и определение волеизъявления граждан в целом. Также следствием применения описываемого института может быть последующее увеличение прозрачности и открытости хода голосования, подсчета голосов избирателей. Вместе с тем необходимо отметить, что практика применения института дистанционного голосования на настоящий момент довольно непродолжительна, поскольку внедрение его использования началось сравнительно недавно. Учитывая это, применение данного института вызывает немало вопросов не только у общественности, но и у различных участников избирательных отношений.

Дистанционное электронное голосование обладает как существенными положительными чертами, так и определенными недостатками, значение которых еще только предстоит оценить и которые должны быть взяты в расчет при оценке возможности расширения практики применения дистанционного голосования. При этом с определенной настороженностью и здоровым скептицизмом к применению дистанционных избирательных технологий относятся многие ученые-правоведы (например, В. В. Полянский [1], Е. И. Колюшин [2]), хотя все признают, что дистанционные технологии – объективная реальность, требования современного дня, от которых нельзя отказываться.

Что же понимается под институтом дистанционного электронного голосования?

В соответствии с пунктом 62.1 статьи 3 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3] дистанционное электронное голосование представляет собой голосование без применения бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с применением особого программного обеспечения, используемого в рамках процедуры электронного голосования.

Данная дефиниция в большой степени схожа с определением электронного голосования. Разница состоит в том, что при дистанционном электронном голосовании применяется особое программное обеспечение, а не технические средства.

В Российской Федерации описываемый институт впервые стал использоваться в избирательных кампаниях в 2019 году в рамках эксперимента на выборах в Московскую городскую думу [4].

Первичное применение дистанционного голосования выявило ряд интересных практических особенностей применения соответствующего института. Общая явка по всем округам на данных выборах достигла 21,77 %. Но на «экспериментальных» избирательных округах явка составила 92,3 % [5], что может говорить о том, что институт дистанционного электронного голосования может быть эффективно использован в качестве рычага по увеличению явки электората на выборы.

По итогам завершения вышеуказанной избирательной кампании было принято решение о закреплении на законодательном уровне института дистанционного электронного голосования, а сам институт был охарактеризован как голосование без применения «аналоговых» методов голосования на бумаге с использованием особого программного обеспечения.

Дальнейшее применение данного института связано с инициативой по внесению в Конституцию Российской Федерации изменений в 2020 году. Положение о возможности использования института дистанционного электронного голосования при наличии соответствующих условий содержалось в пункте 19 статьи 2 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [6].

Проведенное голосование, посвященное вопросу одобрения гражданами вносимых в Конституцию РФ изменений, со стороны официальных лиц было охарактеризовано как довольно успешное. В свою очередь Центризбирком отчитывался о явке избирателей на «цифровые избирательные участки» 91,5 % [7].

Явка участников общероссийского голосования на дистанционных электронных избирательных участках также оказалась весьма высокой. Однако, полагаю, что разрыв между явкой на «обычные» участки и явкой на «дистанционные» участки имеет объективную составляющую. В основе таких высоких показателей то, что раз гражданин решил совершить активные действия по подаче соответ-

ствующего заявления на участие в электронном дистанционном голосовании, то, скорее всего, он осуществит до конца и все оставшиеся действия для реализации своего активного избирательного права. На примере описанной выше избирательной кампании получается, что из всех граждан, подавших заявление на участие в «цифровом» голосовании, 91,5 % завершили процедуру голосования полностью, что представляется довольно логичным и объяснимым и не выходит за рамки общих представлений об активности избирателей.

В сентябре 2021 года в условиях продолжающихся ограничений, связанных с ограничениями из-за распространения новой коронавирусной инфекции, состоялись очередные выборы в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации. В рамках продолжения внедрения в избирательные процессы современных технологий и снижения рисков заражения граждан новой коронавирусной инфекцией на избирательных участках ЦИК РФ было принято решение провести дистанционное электронное голосование на территории 6 субъектов Российской Федерации [8].

Вместе с тем выводы, полученные по итогам таких выборов, получают довольно неоднозначными. С одной стороны, явка на данных выборах составила 95,6 %, что оказалось выше, чем в предыдущие разы использования на выборах дистанционных избирательных технологий [9]. В этот раз результаты, полученные посредством дистанционного электронного голосования, оказали более чем значительное влияние на итоги голосования в соответствующих избирательных округах, поскольку, например, в Москве, по заявлению московских властей, явка в городе была оценена приблизительно в 50 %, то есть свое активное избирательное право реализовали 3,72 миллиона избирателей из общего числа зарегистрированных в 7,44 миллиона. Учитывая явку избирателей на дистанционном голосовании, получается, что около 1,8 миллиона москвичей проголосовали «цифровым» способом.

С другой стороны, в той же Москве после объявления результатов «аналогового» и «цифрового» голосований появилось значительное число лиц, недовольных значительным расхождением результатов выборов в отдельно взятых избирательных округах, где по итогам выборов на избирательных участках побеждал один кандидат, а «дистанционно» – другой. Вызвано это было также отсутствием результатов электронного голосования в течение значительного временного отрезка, когда бумажные бюллетени были уже обработаны, а результаты доступны, в то время как результаты дистанционного электронного голосования были обнародованы только лишь спустя около 20 часов после завершения процедуры голосования. Все эти факторы способствовали зарождению мнений о проведении различных манипуляций с результатами дистанционного электронного голосования с целью «выравнивания» результатов выборов.

Однако, указанные задержки довольно легко можно объяснить сложностями обработки информации, учитывая колоссальные объемы данных, подлежащих обработке.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что весьма интересным вопросом следует считать непосредственно само содержание описываемого института, а также на то, какое влияние на электорат с точки зрения психологии оно оказывает. Если упростить, то вопрос стоит следующим образом – верят ли граждане в тайну дистанционного электронного голосования и доверяют ли его результатам? С этой точки зрения не все выглядит столь однозначным, а следовательно, актуализируются вопросы о действительности результатов избирательного процесса с применением подобных технологий.

Рассуждая с подобной точки зрения, можно отметить, что пока избирательное законодательство не будет приведено в соответствие с нынешними реалиями, использование дистанционного электронного голосования, вполне вероятно, может привести к обратному эффекту – уменьшению доверия к выборам и развитию различных конспирологических теорий, негативным образом влияющих на уровень легитимности власти в целом.

Между «аналоговым» и «цифровым» голосованиями существует довольно ощутимая разница, причем не только технологическая. Следовательно, появляется нужда в актуализации отечественного избирательного законодательства, особенно в части более детального регулирования процедуры дистанционного электронного голосования.

В рамках проведения обычного голосования на избирательном участке гражданин сверяется с избирательным списком, удостоверяет члену избиркома свою личность, после чего получает бюллетень, делает свой выбор, опускает его в ящик для голосования или комплекс обработки избирательных бюллетеней (КОИБ). После этого все действия по подсчету голосов и определению результатов проводятся членами соответствующих избиркомов, все подсчеты проводятся людьми, за исключением случаев, когда применяются на участке КОИБы, где, впрочем, члены избиркома следят за процедурой.

Во время голосования дистанционным способом с учетом технологических и процедурных особенностей вместо самого избирателя лично голосует некий оцифрованный образ, становящийся на определенном этапе дистанционного голосования анонимным. Судья Конституционного Суда России Н. С. Бондарь [10] полагает, что такой «информационный портрет» должен содержать в себе важные с конституционно-правовой точки зрения сведения, позволяющие гражданам участвовать в различных правовых институтах, в том числе и в избирательных процедурах.

Из-за этого гипотетически может сложиться следующая ситуация, при которой голос конкретного избирателя может оказаться в руках злоумышленников, желающих реализовать актив-

ное право избирателя нужным для них образом. Также возможно появление ситуации, когда голос избирателя умышленно или случайно будет незаконным образом использован членами избиркома, например, чтобы повысить явку избирателей. Не застрахован гражданин и от отслеживания «цифрового» голоса, что может негативным образом сказаться на его социальном, карьерном или финансовом положении.

В целях недопущения возникновения таких проблем логично требовать от государства соответствующих гарантий, например появления возможности у граждан проверить, анонимен ли их голос, осуществлять мониторинг действий с их «цифровым» образом и мест, откуда такие действия совершаются. Введение подобных гарантий поможет минимизировать возможность разного рода манипуляций с «цифровыми» голосами граждан кем-либо, помимо их самих. Если же пока только теоретически возможные негативные ситуации с электронными голосами станут возникать на практике, то это станет существенным нарушением основополагающего избирательного принципа – тайны голосования.

С недоверием к описываемому институту относится и профессор Е. В. Гриценко [11]. По ее мнению, в настоящее время отсутствуют механизмы защиты принципов личного и тайного голосования при дистанционном электронном голосовании, нет уверенности в сохранении имеющегося уровня контроля общества за выборами, хотя и имеются технические средства, обеспечивающие цифровую безопасность. Также профессор считает, что открытость и прозрачность описываемого института на данном этапе его применения носит спорный характер. Например, возможность определить, отдал ли свой голос конкретный человек, а не кто-то вместо него под влиянием чьей-то воли, на данный момент отсутствует.

Иная проблема может заключаться в отсутствии у гражданина, голосующего дистанционно, права принять участие в выборах, но при этом свой «цифровой» голос никому из кандидатов не отдавать. Хотя данная правовая возможность формально и не предусмотрена, однако на практике ряд граждан ею пользуется, не имея возможности проголосовать «против всех» кандидатов. Происходит это из-за того, что избиратель после того, как получил доступ к электронному бюллетеню, может сделать выбор лишь из имеющихся вариантов. Он не сможет испортить бюллетень и не может бросить в избирательную урну пустой бюллетень. Теоретически, данная ситуация с определенными позициями ухудшает положение участника дистанционного электронного голосования по сравнению с участником обычного голосования, что в конечном итоге может рассматриваться как искажение принципа равноправия для участников избирательных отношений.

Важно учесть, что применяемое в ходе описываемой процедуры особое программное обеспечение обладает весьма широким функционалом,

позволяющим ему, кроме формирования «цифрового» образа избирателя и его голоса, еще и выступать в качестве демонстрационной платформы и изготовителя цифрового образа бюллетеня, фиксировать его, анонимизировать, осуществлять подсчет голосов на выборах, проводимых на электронной площадке, а также по запросу передавать соответствующую информацию. Указанные выше, а также иные функции и возможности особого программного обеспечения, используемого при применении института дистанционного электронного голосования, должны быть соответствующим образом конкретизированы в нормативных актах, где должно быть закреплено регулирование вопросов, связанных с упорядочением всех процедур и механизмов, а также позволило бы гражданам отслеживать свой «цифровой» голос.

Однако правовая оценка дистанционного электронного голосования не ограничивается процедурными особенностями данного института. Важно дать оценку и правовым последствиям применения дистанционного электронного голосования. В этом контексте весьма важным представляется вопрос относительно действительности или недействительности выборов, проходящих посредством дистанционного электронного голосования. Данный вопрос на настоящий момент не нашел своего отражения в законодательстве, поскольку нормы о недействительности ориентированы исключительно на «аналоговое» голосование.

При развитии вышеуказанной проблемы также встает вопрос о том, как будет подсчитываться количество нарушений, а также что вообще должно подпадать под определение нарушения в ходе голосования. Например, что будет, если случится сбой программного обеспечения и «цифровые» голоса граждан исчезнут или «перепутаются»? Станет ли это основанием для признания процедуры дистанционного электронного голосования недействительной?

В таких условиях необходимо предусмотреть отдельные основания для признания недействительными итогов голосования или результатов выборов, проходящих с применением дистанционного электронного голосования, которые бы позволили учесть степень критического влияния лиц, взаимодействующих с особым программным обеспечением и имеющих возможность оказывать влияние на подсчет электронных голосов избирателей.

При этом в настоящее время остается нерешенным вопрос о перечне лиц, которые понесут ответственность за правонарушения в сфере электронного голосования, поскольку, например, лицо, создавшее программу, используемую на дистанционном электронном голосовании среди субъектов, несущих ответственность за нарушения избирательных прав граждан, к числу которых относятся члены избиркомов, кандидатов, избирателей, отсутствует. Также стоит отметить, что данный вопрос касается не только непосредственно раз-

работчика программного обеспечения, но и оператора, который координирует ее деятельность «на местах».

Также не совсем ясно, кто и каким образом должен отвечать за технические неполадки в работе программного обеспечения, используемого в ходе дистанционного голосования, поскольку в случае наступления сбоя избиратели не смогут выразить свою активную политическую волю.

Открытым остается вопрос относительно полномочий членов избиркомов в части их влияния на дистанционное электронное голосование. В частности, у членов избиркома теперь отсутствует нужда в проверке избирательных списков, подсчете голосов, поскольку теперь этим занимается программное обеспечение.

Гипотетически может сложиться ситуация, при которой отдельный избиратель сможет сформировать несколько своих виртуальных «клонов» с целью, например, противоправно повлиять на итоги голосования. Тем более не ясно, что делать, если человек из любопытства решил проверить – вправе ли он проголосовать повторно и неумышленно получил такую возможность, в частности, в результате сбоя программы.

Также, как уже говорилось выше, актуальным на сегодняшний момент является вопрос о расширении списка лиц, которые могут осуществлять контроль за ходом дистанционного электронного голосования. В настоящее время такой контроль осуществляется исключительно организаторами и операторами программного обеспечения, то есть IT-специалистами и членами избирательных комиссий, поскольку лишь им открыт доступ к сведениям о гражданах и их голосах. При этом граждане полностью лишены возможности как-то контролировать процесс реализации ими своего активного

избирательного права в цифровом пространстве. Следствием этого также может стать невозможность нормальной работы института наблюдателей на выборах, так как для наблюдения за процедурой подсчета голосов особой специальной подготовкой обладать не требуется, а вот разобраться в тонкостях работы программного обеспечения непрофессионалу будет практически невозможно.

По мнению В. Д. Зорькина [12], именно в настоящее время происходит становление новой отрасли общественных отношений, тесно связанных с техническим прогрессом и цифровизацией, в которую должны будут входить впервые появляющиеся цифровые права, такие как анонимность в сетевом пространстве, конфиденциальность в цифровом мире, использование электронных средств связи и различных сетей.

С. А. Авакьян [13] также полагает, что новые «цифровые» права обретают важность и актуальность, поскольку технический прогресс неизбежно приводит к появлению новых областей массового объединения людей в виртуальном пространстве, которые в обозримом будущем смогут влиять на общественные и политические процессы, например на выборы в органы власти.

Принимая все изложенное выше во внимание, считаем, что перед законодателями сейчас стоит весьма трудная и важная задача по приведению отечественного законодательства в соответствие с нынешними реалиями в части актуализации правового регулирования, связанного с конкретизацией вопросов ответственности, устранением пробелов и коллизий в рамках регулирования дистанционного электронного голосования, а также с возможностью граждан реализовать имеющиеся у них конституционные и избирательные права.

Библиографический список

1. Электронное голосование. URL: <http://regcomment.ru/analytics/elektronnoe-golosovanie-na-vyborah-v-mosgordumu-rochemu-eksperiment-neobhodim> (дата обращения: 16.04.2021).
2. Колюшин Е. И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 25–30. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-2-25-30>.
3. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.2002. № 24. Ст. 2253. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002002024000&docid=66>.
4. Босова Е. Н., Реут Д. А. Дистанционное электронное голосование: поиск законодательного оформления // Правоприменение. 2019. Т. 3, № 3. С. 53–62. DOI: [http://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3\(3\).53-62](http://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3(3).53-62)
5. ТАСС. URL: <https://tass.ru/moskva/6890469> (дата обращения: 16.04.2021).
6. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002020011000&docid=1>.
7. Дистанционное электронное голосование. URL: <http://www.cikrf.ru/analog/constitution-voting/participants/distantionnoe-elektronnoe-golosovanie/#hidden1> (дата обращения 16.04.2021).
8. Постановление ЦИК России от 25.05.2021 № 7/49-8 «О дистанционном электронном голосовании на выборах 19 сентября 2021 года» // Вестник ЦИК России. 2021. № 5.
9. Интернет за «Единую Россию». URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/21/internet-za-edinuiu-rossiu> (дата обращения 01.11.2021).

10. Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42. DOI: <http://doi.org/10.12737/jrl.2019.11.2>.
11. Гриценко Е. В. Обеспечение основных гарантий избирательных прав в условиях информатизации избирательного процесса // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 41–49. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-5-41-49>.
12. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Российская газета – Столичный выпуск. № 7578 (115). 2018. 29 мая. URL: <https://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-pmyuf/>.
13. Авакьян С. А. Модернизация публично-политических отношений и конституционное реформирование: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 3–6. DOI: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=39420358>.

References

1. Available at: <http://regcomment.ru/analytics/elektronnoe-golosovanie-na-vyborah-v-mosgordumu-pochemu-eksperiment-neobhodim> (accessed 16.04.2021) [in Russian].
2. Kolyushin E. I. *Pravovye problemy distantsionnogo elektronnoho golosovaniya izbiratelei* [Legal issues of remote electronic voting]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2020, no. 2, pp. 25–30. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-2-25-30> [in Russian].
3. *Federal'nyi zakon ot 12.06.2002 № 67-FZ «Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossiiskoi Federatsii»* [Federal law dated 12.06.2002 № 67-FZ «On the main guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 17.06.2002, no. 24, Article 2253. Available at: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002002024000&docid=66> [in Russian].
4. Bosova E. N., Reut D. A. *Distantsionnoe elektronnoe golosovanie: poisk zakonodatel'nogo oformleniya* [Remote electronic voting: search for legislative formalization]. *Pravoprimenenie* [Law Enforcement Review], 2019, vol. 3, no. 3, pp. 53–62. DOI: [http://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3\(3\).53-62](http://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3(3).53-62) [in Russian].
5. TASS. Available at: <https://tass.ru/moskva/6890469> (accessed 16.04.2021) [in Russian].
6. *Zakon Rossiiskoi Federatsii o popravke k Konstitutsii RF ot 14.03.2020 № 1-FKZ «O sovershenstvovaniі regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoi vlasti»* [The law of the Russian Federation on an amendment to the Constitution of the Russian Federation dated 14.03.2020 №. 1-FKZ «On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities»] *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 16.03.2020, no. 11, Article 1416. Available at: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002020011000&docid=1> [in Russian].
7. *Distantsionnoe elektronnoe golosovanie*. Available at: <http://www.cikrf.ru/analog/constitution-voting/participants/distantsionnoe-elektronnoe-golosovanie/#hidden1> (accessed 16.04.2021) [in Russian].
8. *Postanovlenie TsIK Rossii ot 25.05.2021 № 7/49-8 «O distantsionnom elektronnom golosovanii na vyborah 19 sentyabrya 2021 goda»* [Resolution of the CEC of Russia dated 25.05.2021 № 7/49-8 «About remote electronic voting in the elections on September 19, 2021»]. *Vestnik TsIK Rossii*, 2021, no. 5. [in Russian].
9. Internet za «Edinuiu Rossiiu». Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/21/internet-za-edinuiu-rossiiu> [in Russian].
10. Bondar N. S. *Informatsionno-tsifrovoe prostranstvo v konstitutsionnom izmerenii: iz praktiki Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Information and Digital Space in the Constitutional Dimension: From the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 11, pp. 25–42. DOI: <http://doi.org/10.12737/jrl.2019.11.2> [in Russian].
11. Gritsenko E. V. *Obespechenie osnovnykh garantii izbiratel'nykh prav v usloviyakh informatizatsii izbiratel'nogo protsessа* [Securing the main guarantees of electoral rights in the conditions of informatization of the electoral procedure]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2020, no. 5, pp. 41–49. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-5-41-49> [in Russian].
12. Zorkin V. D. *Pravo v tsifrovom mire* [Digital law]. In: *Rossiiskaya gazeta - Stolichnyi vypusk*, 2018, May 29, no. 7578 (115). Available at: <https://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-pmyuf/> [in Russian].
13. Avakyan S. A. *Modernizatsiya publichno-politicheskikh otnoshenii i konstitutsionnoe reformirovanie: problemy i perspektivy* [Modernization of public and political relationships and constitutional reformation: issues and prospects]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2019, no 9, pp. 3–6. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39420358> [in Russian].